

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

УДК 811.161.1'282.2'373(571.1)

О. Г. Щитова

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ДОСИБИРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII ВЕКА

В статье исследуется функциональная эквивалентность заимствований в документах XVII в. в аспекте функциональной ассимиляции в языке-реципиенте. Разграничена безэквивалентная и эквивалентная лексика. Типология отношений между иноязычными словами и их эквивалентами соотнесена с анализом неисконной лексики с точки зрения особенностей номинации. Определена роль данных характеристик иноязычных слов в процессе их ассимиляции в принимающем языковом континууме.

Ключевые слова: функциональная эквивалентность, историческая лексикология, диалектология, заимствование, иноязычная лексика, среднеобские говоры, деловая письменность XVII в.

Одним из аспектов анализа функционирования неисконной лексики в текстах старорусских деловых документов является исследование ее функциональной эквивалентности – способности данных номинаций употребляться в речи на месте других единиц лексико-семантической системы данного языкового континуума. Данный подход позволяет обнаружить внутриязыковые причины закрепления заимствованных единиц в лексико-семантической сфере языка-реципиента, решить проблему целесообразности или избыточности тех или иных иноязычных номинаций. **Если для иноязычной новации существует номинативная лакуна в системе принимающего языка, то имеются условия для ее ассимиляции, так как данный неологизм не является избыточным.** Термин *лакуна*, впервые введенный канадскими лингвистами Ж. П. Вине и Ж. Дарбельне, определяется ими как «явление, которое имеет место всякий раз, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке» (цит. по [1, с. 50]). «Если слово А в данном контексте обозначает то, что обозначено... уже словом Б, ... то оно не оправдывает свою денотативную функцию и употребляется избыточно с точки зрения описания ситуации» [2, с. 89].

«Функциональными эквивалентами являются такие слова, которые способны выполнять одну и ту же функцию в рамках одного и того же или одних и тех же предложений» [3, с. 123]. Адекватность функций может быть установлена с помощью коммуникативной проверки, которая осуществляется путем нахождения в памятниках деловой письменности XVII в. таких контекстов, которые бы подтверждали возможность взаимозамены слов.

Целью работы является анализ наличия/отсутствия по отношению к неисконным номинациям конкури-

рующих единиц в системе принимающего языкового континуума.

С точки зрения наличия или отсутствия в лексической системе русского языка эквивалентных наименований для лексических единиц иноязычного происхождения можно выделить безэквивалентные и эквивалентные, первичные и вторичные номинации. Проблема эквивалентности решается в семиотике с учетом синтагматических и парадигматических отношений [4, с. 122–124]. Разграничение безэквивалентных и эквивалентных неисконных наименований осуществляется нами прежде всего по *синтагматическим* основаниям, с точки зрения особенностей их функционирования в речи (тексте) – с позиции их взаимозаменяемости в одном и том же контексте без изменения смысла целого. Данный подход сопряжен с вниманием к *парадигматическим* характеристикам неисконных лексем и их эквивалентов в сигнификативном, прагматическом и денотативном аспектах.

1. К **безэквивалентным** наименованиям среди иноязычной лексики мы относим такие слова, которые не имеют в текстах письменных памятников XVII в. функциональных эквивалентов.

Необходимость разграничения первичных и вторичных номинаций среди неисконной лексики связана с тем, что первичные номинации обладают большей жизнеспособностью и легче усваиваются в системе принимающего языка. Квалификация иноязычных лексем как первичных или вторичных номинаций производится в денотативном аспекте. Под **первичными номинациями** мы понимаем единицы, для которых в языке не существует дублетов, исконно русских или ранее заимствованных [3, с. 146], имеющих идентичную денотативную соотнесенность. Первичные номинации служат для наименования ре-

никам. В данной ситуации особую значимость приобретает именно речевое значение, так как при его реализации на первый план выступает отношение означающего (знака, слова) к обозначаемому (денотату), «точнее, отношение *означающего сигнификат* к денотату» [5, с. 7], а также возможность/невозможность для данного означаемого (денотата) найти иное словесное выражение из числа слов, имеющихся в языке, кроме слова (знака) иноязычного происхождения.

В томских деловых документах XVII в. возможны следующие типы отношений иноязычных наименований и их функциональных эквивалентов: абсолютная синонимия, идеографическая синонимия, гипонимия, ареальная синонимия, коннотативная синонимия, комбинированная синонимия (ареально-семантическая, коннотативно-семантическая, ареально-коннотативно-семантическая). Обратимся к анализу в данном аспекте досибирских заимствований в томских деловых документах XVII в.

2.1. *Отношения абсолютной, полной синонимии* наблюдаются в случае идентичности лексического значения, сферы употребления и стилистической окраски анализируемых единиц – неисконной номинации и ее исконно русского или ранее заимствованного соответствия.

Иноязычные слова, являющиеся вторичными номинациями, легче всего могут быть заменены в контексте эквивалентами, если вступают с ними в дублетные отношения, т. е. являются абсолютными [6], номинативными [6; 3], полными [7; 8] синонимами по отношению к исконным или ранее заимствованным единицам, и «семантическое расстояние» между ними равно нулю. «Существование абсолютных синонимов... противоречит принципам построения знаковых систем, тем не менее такие номинативные эквиваленты имеются во всех языках, в том числе и в русском» [3, с. 62]. Иноязычная лексика является внешним источником дублетности. В этом состоит причина возможного сокращения сферы употребления или полного исчезновения одного из абсолютных синонимов (таких иноязычных новаций) из языковой системы. Дальнейшая семантическая и/или стилистическая дифференциация дублетных наименований является одним из путей преодоления дублетности в языке, что приводит к ассимиляции иноязычных слов в языке-реципиенте.

В отношениях дублетности находятся единичные досибирские заимствования и их эквиваленты: *караул* – *сторбжа*, *царь* – *государь*, *школа* – *дурно*.

КАРАУЛ – СТОРОЖА. Досибирский тюркизм *караул* выступает в качестве полного функционального эквивалента по отношению к исконно русскому *сторожа*. В пользу данного утверждения можно привести следующие доводы: а) употребление заимствования в тексте в качестве абсолютного синонима в ситуации избыточности информации, характерной для деловых документов XVII в., о которой говорят ис-

следователи памятников и иных территорий, например: «В ПП (пермских памятниках – О. Щ.), как и в других русских деловых текстах XVII в., наблюдается избыточность информации» [9, с. 42] для усиления смысла: «Из того, государь, числа по твоему государеву указу посылаютца на *сторожи*, на отъезжие *караулы* и в проезжие станицы всяких чинов служилых людей конных человек по семидесять», Томск, 1674 г. [10, с. 273]; б) идентичность денотативной семантики: *сторожа* ‘сторожевой отряд’ – *караул* ‘вооруженная охрана, стража’; заимствование *караул* также обозначает отряд (т. е. совокупность) людей, например в пятьдесят человек, несущих сторожевую охрану: «И на город, и на острог караулы караулим по вся дни в местех в пяти члвку по пяти по десяти», Томск, 1636 г. [10, с. 93]; причем данные номинации не дифференцируются оттенком значения, связанным с количественным составом отряда: в контексте (а) идет речь о равночисленных отрядах, посылаемых на *сторожи* и на *караулы*; в) вывод об абсолютной функциональной эквивалентности выделенных обозначений стражи вытекает также из *анализа сочетаемости* слов *караул* и *сторожа*: их полную эквивалентность подтверждает наличие в томских говорах устойчивых словосочетаний данных лексем с одним и тем же словом *отъезжей караул* и *отъезжая сторожа*: «стоят... на отъезжих... караулах», 1646 г. – «живут в отъезжих сторожах», 1635 г. [10, с. 93, 273]; на наш взгляд, оба контекста имеют идентичное значение – ‘выполняют в течение длительного времени охранную службу вдали от города’, и в них возможна взаимозамена слов, ср.: *стоять на сторожи (сторожею)* ‘стоять на карауле’ [11, с. 150]; г) нет оснований предполагать семантическую дифференциацию названных номинаций по признаку ‘пеший’ – ‘конный’. В [10] словосочетание *отъезжая сторожа* определяется как ‘конный отряд’, однако семантический компонент ‘конный’ связан со словом *отъезжая*, поскольку в его отсутствие слово *сторожа* определяет цельное словосочетание *пешая служба* (является несогласованным определением по отношению к цельному словосочетанию *пешая служба*): «Прослужил сначала в конной службе лет 40 и верстан в *пешую* службу по *сторожи*», Томск, 1671 г. [10, с. 273]. Дальнейшая история конкуренции слов *караул* и *сторожа* связана с вытеснением заимствованной единицей исконно русского слова и сохранением тюркизма в составе литературной разновидности современного русского языка.

Таким образом, ситуация дублетности должна быть преодолена. И каждый новый тип отношений между неисконной лексемой и ее эквивалентом является одним из путей преодоления дублетности и предпосылкой для освоения иноязычного неологизма принимающим языком и дальнейшей «жизнеспособности» заимствованного наименования.

2.2. Отношения идеографической синонимии между лексемой иноязычного происхождения и ее функциональным эквивалентом, когда их семантика оказывается не тождественной, а близкой. Неполные, неточные синонимы, квазисинонимы «могут различаться нюансами значения, по стилю, по ситуациям, в которых они употребляются, и другими признаками» [8, с. 171]. Идеографические, семантические синонимы – «близкие по значению слова (ЛСВ) представляют собой лишь “потенциальную синонимию”, которая может как реализоваться, так и не реализоваться в речи и в последнем случае может так и не стать языковой синонимией. Действительно, синонимия имеет место тогда, когда тождественные или близкие по значению слова одной и той же части речи так или иначе замещают друг друга с определенной целью в одинаковых позициях» [6, с. 226, 229].

Функциональная эквивалентность наблюдается у идеографических синонимов, причем новозаимствованная лексема может уточнять значение своего функционального эквивалента. Лексическое значение иноязычной номинации чаще всего является более специальным по сравнению с лексическим значением исконно русского или ранее заимствованного соответствия. Это может быть объяснено тем, что специализация, уточнение семантики уже имеющегося в языке понятия – одна из внутриязыковых причин заимствования. В то же время заимствование является одним из средств «терминологизации речи» (С. И. Ожегов) [12, с. 32]. Приведем пример.

ЗБРУЯ – НАРЯД. Польское заимствование XV в. *збруя*, функционирующее в томских деловых документах XVII в. в значениях ‘воинское снаряжение’ и ‘снаряжение для запряжки лошадей’, является идеографическим синонимом исконно русского слова *наряд*. Последняя лексема функционировала в материнских говорах европейской части Московской Руси в шестнадцати значениях, одним из которых было ‘оснащение, снаряжение, вооружение’, понимаемое как процесс по глаголу *наряжаться* ‘снаряжаться, вооружаться’: «Наряжаетца он, Ладжан Алтынов сын, идти под Томской город войною», Томск, 1657 г. [10, с. 139]. Наиболее близок по семантике полонизму *збруя* лексико-семантический вариант слова *наряд* ‘устанавливаемый для какого-л. случая набор вещей и принадлежностей’, семантическая конкретизация которого репрезентирована в устойчивых словосочетаниях *наряд воинский*, *ратный* ‘военное снаряжение’ (в отличие от *наряда путного*, *служебного*, *книжного* и т. д.), и далее – *городовой наряд* ‘крепостная артиллерия’, *огненный наряд* ‘огнестрельное оружие’, *полковой наряд* ‘полевые орудия’, *полуторный наряд* ‘полуторные пищали’ и под. [13, т. 10, с. 227–230]. Очевидно, что полонизм *збруя* ‘воинское снаряжение’ образует с исконно русским *наряд* словесную оппозицию с отношениями включения, конкретизируя одно из значений исконной единицы.

В русской речи как в метрополии, так и на периферии Московского государства существовала возможность абсолютной функциональной эквивалентности словосочетаний *воинская збруя – воинский наряд*, *ратная збруя – ратный наряд*. Данная ситуация дублетности в русском языке и сибирских говорах была преодолена путем семантической дифференциации слов *збруя* и *наряд*.

У полонизма *збруя* с середины XVII в. появилось значение ‘конская упряжь’ [14, с. 47], несвойственное слову *наряд*. Свидетельство Г. К. Котошихина подтверждается также материалами томских рукописей: «А взяти б у него Мелентья за тѢ твои гдрвы пенные денги конскою збруею и ожерели», Томск, 1646 г. (15, стб. 251, л. 83). Дальнейшая история полонизма в русском литературном языке и среднеобских говорах связана с постепенным затуханием употребления первого лексико-семантического варианта – *збруя* ‘воинское снаряжение’. На современном этапе развития русского языка значение заимствования *збруя* ‘конская упряжь, предметы и принадлежности для запряжки и седлания лошади’ стало единственным в говорах Среднего Приобья и основным в современном русском литературном языке.

Таким образом, наблюдения над функциональной эквивалентностью иноязычной лексики позволило выявить один из путей преодоления дублетности в языке – семантическую дифференциацию языковых единиц. Данный путь приобретает статус закономерности, поскольку дает сходные результаты на крайне отдаленных территориях распространения языка.

2.3. При *ареальной (локальной) дифференциации* синонимов-эквивалентов неисконные номинации и их аналоги имеют разную сферу употребления: ограниченную или неограниченную. При этом один из членов оппозиции может быть локально (территориально) ограниченной лексемой, а другой – общерусской: *шлях* – дорога, *арака* – водка и др.

ШЛЯХ – ДОРОГА. В томской деловой письменности XVII в. отмечен полонизм немецкого происхождения *шлях* ‘проезжая дорога’, заимствованный в русский язык в конце XVI в. Приведем отрывок из отписки томских воевод: «И после тово сказывали нам ясачных волостей люди, что они после побою ходили шляхом их, и от побойного места верстех в 10 и в 20-ти и больши находят многих людей мертвых», Томск, 1629 г. [16, с. 361]. По данным Картолки Словаря русского языка XI–XVII вв. (КСлРЯ XI–XVII вв.), это слово встречается в памятниках, отражающих южновеликорусское и средневеликорусское наречие (воронежские, курские, харьковские, донские; московские, астраханские), а также территорий, связанных с польскими поселенцами (томские, якутские). В севернорусских памятниках XVII в. название проезжей дороги *шлях* не отмечено (подробнее об этом см. [17, с. 279–281]). Следовательно, можно сделать вывод о локально ограниченном ха-

рактуре заимствования *шлях*. В эквивалентные отношения с ним вступает общерусское *дорога*, совпадающее со словом *шлях* в одном из своих лексико-семантических вариантов – ‘ проезжий путь ’. Сходство семантики лексем *шлях* и *дорога* находит подтверждение и в том, что обе лексические единицы способны входить в состав топонимических сочетаний, в которых анализируемые функциональные эквиваленты имеют значение ‘наезженный путь’: *Бакаев шлях*, *Муравской шлях*, *Армянская дорога* и др. О способности заимствования формировать отношения функциональной эквивалентности с исконно русским словом свидетельствуют случаи, когда эти языковые единицы выступают в письменных документах как контекстуальные (ситуативные) синонимы: «Указали мы, Великий Государь, послать из Азова на Миюсь к миюскому осаднику к Никите Тополскому на дачю Нашего ... жалования новопризваннымъ ево казакм, которые знают дороги и шляхи, которыми ходить неприятельские люди», 1698 г. – КСлРЯ XI–XVII вв.

На основании изложенного можно считать заимствование *шлях* вторичной номинацией, которая не выдержала конкуренции с исконно русским *дорога*, имеющим общерусское употребление. Эта закономерность, заключающаяся в том, что вторичные номинации являются менее жизнеспособными по сравнению с первичными, была поддержана тем, что полонизм *шлях* имел в XVII в. ограниченную территорию употребления, это регионализм. В современных среднеобских говорах и в литературной разновидности русского языка полонизм германского происхождения *шлях* не употребляется, он вытеснен словами *дорога*, *тракт*.

Наличие в томских деловых документах XVII в. заимствованных вторичных номинаций, имеющих идентичную семантику и разную территориальную маркированность, обусловлено тем, что в Сибирь прибывали поселенцы из разных территорий Московского государства.

2.4. Дифференциация неисконной номинации и ее эквивалента по эмотивно-экспрессивной окраске. Семантически дублетная своему эквиваленту иноязычная новация легче ассимилируется в принимающем языке, если одно из слов нейтрально, а другое наделено эмотивной коннотацией.

ЧАЛБЫШ – ОСЕТРИК. Неисконная номинация *чалбыш* ‘молодой осетр’ заимствована в русский язык в досибирский период. В текстах томских деловых документов XVII в. в качестве функционального эквивалента по отношению к нему выступает собственно русское *осетрик*, образованное на базе общеславянского *осетр*: «Июня в 30 день жилецкому человеку Ивашку Каменному за осетрик за чалбыш 6 алтын четыре деньги, да целовалнику Бориску Тупылеву за осетрину ж три алтына четыре деньги дано. Взята рыба ячинским ясачным людем на корм, как государю вину

свою принесли», Томск, 1630–1631 гг. [18, с. 108]. В данной оппозиции стилистически нейтральным является заимствование *чалбыш*, а его функциональный эквивалент *осетрик*, имеющий в своем морфемном составе уменьшительно-ласкательный суффикс *-ик-*, отличается эмотивно-экспрессивной окрашенностью.

2.5. Между неисконной номинацией и ее функциональным эквивалентом возможны отношения синонимии *смешанного типа*. В данном случае различия в ареальной (территориальной) и/или эмотивной характеристике сопоставляемых лексем сопровождаются их семантической дифференциацией (частичным несовпадением элементов их смысловой структуры).

БИСЯГА – ПОКРЫВАЛО. В томских деловых документах зафиксировано досибирское заимствование (XVI в.) *бисяга* ‘попона под вьюки’: «Половинка сука на кострыжу пять чекменей сермяжных срядных дватцать попон бисягъ пятнадцатеры рукавицы», Томск, 1657 г. (15, кн. 359, л. 11). Данное ненецкое заимствование имеет в XVII в. на материнской территории ареал распространения, ограниченный северновеликорусским наречием [19, с. 129]. По семантике слово *бисяга* коррелирует с общерусской лексемой *покрывало*, объединяясь с ним интегральным компонентом сигнификативного значения ‘то, чем покрывают кого-либо, что-либо’ [13, т. 16, с. 182], и дифференцируется с общерусским словом по семантике, образуя с ним привативную словесную оппозицию, обладая уточняющими компонентами лексического значения: *бисяга* – ‘(покрывало) для животных под вьюки’. Кроме того, заимствование обладает потенциальными семами ‘сделано из шкур или сукна’ [19, с. 129]. Следовательно, заимствование *бисяга* и его функциональный эквивалент *покрывало* квалифицируются как ареально-семантические синонимы.

Поскольку подобные заимствования отличаются от своих функциональных эквивалентов денотативной отнесенностью, неисконные языковые единицы данного типа получают статус первичных номинаций.

Итак, анализ функциональной эквивалентности номинаций неисконного происхождения позволил выявить типологию отношений иноязычных слов и их аналогов (функциональных эквивалентов), а также представить неисконную лексику каждого типа с точки зрения особенностей номинации (как первичные или вторичные номинации): 1) безэквивалентные наименования – первичные номинации; 2) эквивалентные наименования: синонимы абсолютные (дублеты) – вторичные номинации, синонимы идеографические – первичные номинации, гипонимы – первичные номинации, синонимы локально (ареально) дифференцированные – вторичные номинации, синонимы эмотивно-экспрессивные (коннотативные) – вторичные номинации, синонимы смешанного типа, или комбинированные (ареально-семантические, коннотативно-семантические, ареально-коннотативно-семантические) – первичные номинации.

В итоге можно заключить, что бóльшая часть неисконных номинаций, функционирующих в томских деловых документах XVII в., не вступает в дублетные отношения с исконными или ранее заимствованными единицами принимающего языка и, следовательно, заполняя определенные лакуны в лексико-семантической системе сибирского говора, не является избыточными («лишними») языковыми средствами, что оказывается фактором, обеспечивающим интенсивность процесса ассимиляции заимствований. Тот

факт, что большинство заимствований образует привативные семантические оппозиции со своими функциональными эквивалентами, уточняя их значение, говорит об общей тенденции к терминологизации речи и – шире – тенденции к семантико-парадигматической регулярности, определяющейся потребностью дифференциации номинативных средств русского языка в XVII в., в начальный период формирования русского национального языка.

Список литературы

1. Васильев А. Д., Веренич Т. К. Динамика дезэкзотизации заимствований в научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании (на материале англицизмов в современном русском языке). Красноярск, 2005. 248 с.
2. Гак В. Г. Пределы семантической эволюции слов // Русский язык сегодня. Вып. 2. М., 2003. С. 88–97.
3. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989. 216 с.
4. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М., 1998. 784 с.
5. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 78–96.
6. Новиков Л. А. Семантика русского языка: учеб. пособие. М., 1982. 272 с.
7. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1995. Т. 1. 472 с.
8. Кронгауз М. А. Семантика. М., 2001. 399 с.
9. Полякова Е. Н. Региональная лексикология и ономастика: материалы для самостоятельной работы : учеб. пособие. Пермь, 2006. 256 с.
10. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002. 336 с.
11. Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991. 181 с.
12. Шмелев Д. Н. Введение // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 3–44.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1986–2008.
14. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. XXVI с. 216 с.
15. Российский государственный архив древних актов, фонд 214 «Сибирский приказ» (г. Москва); стб. = столбец, кн. = книга, л. = лист.
16. Миллер Г. Ф. История Сибири. М., Л., 1941. Т. 2. 637 с.
17. Щитова О. Г. Неисконная лексика в разговорной речи Среднего Приобья XVII в.: монография. Томск, 2008. 480 с.
18. Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII века в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета / Сост. В. А. Есипова, Г. Н. Старикова. Томск, 1999. 155 с.
19. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск, 2000. 768 с.

Щитова О. Г., доктор филологических наук, профессор.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.
E-mail: shchitova@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 17.05.2010

O. G. Shchitova

FUNCTIONAL EQUIVALENCE OF PRE-SIBERIAN BORROWINGS IN THE BUSINESS WRITTEN LANGUAGE OF THE XVII CENTURY

The article is devoted to the functional equivalence of the borrowings in the business written language of the XVII century in terms of functional assimilation in the recipient language. The author distinguishes equivalent and unequivalent vocabulary. The work contains both the typology of the relationships between foreign words and their equivalents and the simultaneous analysis of borrowed vocabulary in terms of nomination features. The author defines the role of these characteristics of the borrowed words in the process of their assimilation in the recipient language continuum.

Key words: *functional equivalence, historical lexicology, dialectology, borrowing, foreign vocabulary, Middle-Ob dialects, business written language of the XVII c.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634061.
E-mail: shchitova@sibmail.com